

—Шесть тысяч девятьсот девяносто девять! — донеслось из неведомой дали.

Голос был женский, нежный, вкрадчивый.

Одной лишь интонацией он давал понять, что шесть тысяч девятьсот девяносто девять рублей за превосходные туфли — натуральная кожа, удобный каблук и универсальный бежевый цвет, который подойдет к любому наряду, — это сущая ерунда. Просто смешная цена. И надо не хныкать, тоскливо глядя в кошелек, а весело и радостно доставать из него одну красненькую купюру и две сине-зелененьких. Или банковскую карточку.

Хотя на карточке, кажется, денег почти не осталось...

— Шесть тысяч девятьсот девяносто девять! — настойчиво повторил голос.

Он изменился, сделавшись из ласкового женского раздраженным мужским, и приблизился.

— Шесть тысяч девятьсот девяносто девять!
Кузнецова! Кузнецова, оглохла?!

«Это же мой номер!» — с опозданием дошло до Натки, и она вдруг запаниковала.

В ушах гудело и шумело: топали ноги, скрипели полы, играла музыка, причем трубаач фальшивил так, словно его инструментом был слоновий хобот. А может, трубил именно слон. И он же топал: Натка отчетливо ощущала тряску.

— Пошла, пошла!

Ее подгоняли, и она послушно пошла — на звук, на свет, на... сцену? Нет, на подиум!

В лицо брызнули колючие цветные огни, Натка попыталась отвернуться от них, но это было невозможно.

Слепящие зайчики прыгали на нее со всех сторон: рядом, справа и слева, вышагивали-вытанцовывали, высоко вскидывая гладкие блестящие коленки, полуголые девицы, и свет софитов отражался от их лакированных тел и усыпанных стразами купальников.

«Ах, вот оно что — это выход в купальниках!» — поняла Натка.

Это не принесло облегчения.

Выходить куда-либо в купальнике Натка, по ее мнению, была совсем не готова.

Весы в ванной комнате бестрепетно свидетельствовали, что к середине зимы она наела два лишних кило, и разместились они совсем не там, где выигрышно смотрелись бы при подаче в купальнике. Хоть со стразами, хоть без них — блеснуть не получится.

Испугавшись, что сейчас она опозорится, Натка постаралась проснуться.

Кажется, получилось. Фух-х-х...

Или не получилось?

Какофония из музыки, скрипа и топота не прекратилась, и назойливые слепящие зайчики тоже никуда не ускакали.

Недоумевающая и встревоженная, Натка приподняла голову над подушкой и открыла один глаз. В него тут же прыгнул бойкий зайчик, а в ухо ввинтилась музыкальная трель.

— I'm a queen! I'm a queen!¹ — совсем рядом громко голосил кто-то, сам от себя в полнейшем восторге.

Натка открыла второй глаз и посмотрела на самозванную королеву.

Посмотреть было на что.

На длинной низкой тумбе в изножье кровати скакало и кривлялось жуткое чудище. Неболь-

¹ Я королева (*англ.*)

шое, вертлявое, на тонких ножках, но с огромной косматой головой.

На чудище красовался Наткин шелковый пеньюар, высоко подобранный и оригинально подпоясанный шерстяным шарфом, дрыгающиеся задние лапки грохотали каблуками ее же парадных туфель. Не за шесть тысяч девятьсот девяносто девять рублей — а еще дороже!

Натка села в кровати и уже открыла рот, но разорваться не успела — чудище ее опередило.

В правой передней лапке у него был фонарик. Чудище поднесло его к щедро напомаженному рту, как микрофон — при этом отчетливо высветилась жутчайшим образом размалеванная рожа, — и манерным писклявым голосом заявило:

— Моя миссия — спасти мир! Красота — это страшная сила! Выбирайте меня — или вам всем конец!

После этого оно выставило фонарик вперед и с криком «Кавабанга! Тра-та-та-та-та!» полило Натку, так и сидящую с открытым ртом, длинной очередью от живота.

Агрессивное шумное чудище с манией величия было Натке совершенно незнакомо.

А вот победный вопль «Кавабанга!» она слышала много раз.

Так кричали черепашки-ниндзя в кино, а вслед за ними — их верный поклонник Арсений Кузнецов, родной и любимый сын Натки. Восемь лет, сбитые коленки, острые локти, светлые вихры, курносый нос, веснушки, голубые глаза-незабудки, бездна обаяния и тонна предприимчивости.

Хотя нет, Сенькину предприимчивость следовало измерять не в тоннах, а в тротиловом эквиваленте.

— Ар-р-р-рсений! — хриплым спросонья голосом прорычала Натка и резко откинула одеяло.

Чудище с импровизированного подиума будто ветром сдуло. Остались только туфли, все остальное с визгом умчалось прочь.

Не унимая клокочущее в горле рычание, Натка вылезла из кровати и пошла по следам улепетывающего чудища.

Следы были куда более отчетливые, чем хлебные крошки сказочных затейников Гензеля и Гретель. Натка поочередно подобрала с пола шарф, пеньюар и кудрявый парик. Она бросила всю охапку на тумбочку в прихожей и решительно постучала в дверь ванной, где все еще гремела музыка.

— Да, да, войдите, — донеслось из-за плотно закрытой и запертой двери.

— Арсений, выходи!

— Зачем?

— Поговорим!

— Да, знаю я эти разговоры, после них у тебя ладонь болит, а у меня попа! — Музыка стихла, послышался писк, сопровождающий нажатие сенсорных клавиш, и жалобный детский голос произнес: — Алло, это девять-один-один? Спасите меня, я в смертельной опасности!

— Прекрати придуриваться! — потребовала Натка, изо всех сил стараясь взять себя в руки. — В нашей стране нет такого номера экстренной службы — девять-один-один, это во-первых. А во-вторых, когда это я шлепала тебя так, чтобы у тебя попа болела?

— Я все такие случаи и не вспомню уже, — детский голос сделался совсем тоскливым и печальным. — В последний раз — когда я покрасил соседскую болонку под тигра.

— Йодом! — вмиг расвиrepела Натка.

— В три цвета! — подхватил детский голос, перестав быть печальным и сделавшись восторженным. — Раствор йода был разной крепости, и ведь классно же получилось — прям как настоящий тигр! Только карликовый.

— Бедную собачку пришлось обрить налысо, — вздохнула Натка. — И не факт, что новая

шерсть у нее теперь вырастет белой, потому что полосы въелись в кожу, а йод — очень стойкий краситель...

— Так это же круто! — убежденно заявил детский голос. — Марье Дмитриевне не ругаться надо, а радоваться: она же теперь хозяйка единственной в мире полосатой тигровидной болонки!

— Оставим в покое болонку, — предложила Натка, — тем более что она тебя теперь боится и даже близко не подойдет. Поговорим о другом раскрашивании. Зачем ты взял мою косметику, поганец? Я тебе сто раз говорила — это святое, пальцем не трогать!

— Так я же не пальцами! Что я, совсем темный? Я кисточками, пуховкой, спонжиком!

— Сеня! Мальчик твоего возраста и слова-то такого знать не должен — спонжик! — Натка вздохнула и бессильно постучала лбом в стену.

— Да, да, войдите.

— Умойся и выходи, — устало велела Натка. — Обещаю, что шлепать тебя не буду.

— А бить розгами? Пороть ремнем? Ставить коленками на горох? Лишать доступа к компьютеру?

— Да я никогда ничего подобного не делала!

— А вдруг начнешь?

— Не начну. — Натка помотала головой и отошла от двери санузла. — Хотя насчет компьютера надо еще подумать. Где-то же ты всего этого набрался...

В ванной зашумела вода. Натка прошла в кухню, глянула на часы на стене — без четверти пять, вот уж доброе утро! Она включила чайник, села за стол и подперла щеку ладонью.

Раннее пробуждение — это ерунда. Когда Сенька был маленький, он мамочке всю ночь спать не давал. Но вот это всё — пляски в женском платье, туфли на каблуках, парик, раскрашенное лицо... Выглядит странно и сильно тревожит.

Неужели у мальчика проблемы с ориентацией?!

Хлопнула дверь ванной, и в кухню явился мальчик, по виду — совсем беспроблемный, просто идеальный. Чистенький, умытый, влажные светлые кудри аккуратно причесаны, личико ангельское. Он сел на табуретку напротив Натки и отзеркалил ее позу — положил румяную щечку в ладошку.

Натка хмыкнула.

— И чегой-то тебе, девка, не спится? — с интонациями знакомой деревенской бабушки напевно спросил ангелочек.

— Потеряла покой да сон, на тебя гляючи! — язвительно ответила Натка и тут же сменила тон: — Сын, нам нужно серьезно поговорить.

— Сейчас? — Ангелочек выразительно покосился на часы и демонстративно зевнул, паршивец.

— Может, лучше бы не сейчас. — Натка тоже не удержалась — зевнула, а внутренний голос добавил: «Может, лучше бы и не здесь, а сразу в кабинете у психиатра». — Но раз уж мы тут сидим, давай-ка задушевно поговорим за чашечкой чая.

— С конфетами?

По тону ангелочка было понятно, что степень задушевности разговора будет прямо пропорциональна количеству конфет.

— С одной конфеткой, — разрешила Натка.

В конце концов, обстоятельный сеанс психоанализа лучше действительно доверить специалисту, а пока только так, прозондировать почву.

— Тогда мне «Красную шапочку», — решил Сенька.

Выбор конфеты Натку снова насторожил.

— Тебе нравятся нарядные девочки? — осторожно поинтересовалась она, поднявшись, чтобы заварить чай.

— Мне нравятся красивые девочки, — ответил Сенька и развернул выданную ему конфету. — А почему ты об этом спрашиваешь? Всем мальчикам нравятся девочки, разве нет?

— Да! — Натка возликовала было, но тут же пригасила радость. — Но не все мальчики наряжаются девочками...

— А, ты про это? — Сенька кивнул на комнату, где Натке явилось чудище. — Это же был просто конкурс красоты. «Мисс мира». К слову, я победил. — Он сунул в рот «Шапочку» и зажмурился от удовольствия.

Натка поставила на стол чашки с чаем и села напротив сына.

— Сеня, конкурсы красоты — «Мисс мира» и подобные — это для девушек. Мужчины соревнуются в конкурсе «Мистер Вселенная».

— Знаю, не дурак. — Сенька кивнул, сунул мордочку в чашку, похлюпал.

— Не дурак, а поросенок, — ласково ругнулась Натка.

— К сожалению, конкурс «Мистер Вселенная» мне не подходит. — Сенька вынырнул из чашки, поискал глазами еще конфеты, не нашел и опечалился. — Чтобы стать мистером Вселенная, надо из спортзала день и ночь не вылезать. У этих парней такие мускулы, будто их велоси-

педным насосом накачали! А я самый маленький в классе и подтянуться на турнике могу всего два раза. Так что мужской конкурс мне не подходит, а вот девчачий я выиграю запросто. Чего там? Ходи по подиуму, кривляйся, главное — накраситься поярче и нарядиться получше.

— Да зачем тебе это, Сенечка?

— А зачем это всем, мамочка? — Ангелочек посмотрел на Натку как на ненормальную. Как психиатр на пациента! — У нас в классе Лиза, Ника и Ася ходят в школу юных моделей. А Эвелина Тапкина выиграла конкурс «Принцесса красоты», пришла такая красивая — в короне, с лентой через плечо — и похвасталась, что теперь у нее будет бесплатный тур по стране, а еще ей подарили огромного плюшевого медведя и золотые украшения!

— «Принцесса Эвелина Тапкина», как звучит-то, — пробормотала Натка. — Сеня, я и сама могу купить тебе огромного плюшевого медведя, только зачем он такому большому мальчику? И в турпоездку мы летом обязательно отправимся, дядя Костя твердо обещал. А золотые украшения тебе и вовсе ни к чему, я полагаю...

— Конечно. — Сенька энергично кивнул, и влажные вихры привычно разлохматились. —